
Ржавые скалы,

Рыжий песчаник...

В сердце фисташника и тростника

Не разберёшься – пляж или пряник.

Всё перепутаешь наверняка:

Хрупкие панцири мраморных крабов,

В рыхлом песке закорючки арабов,

Вязь скоротечную –

Птичьи следы
В жидкой Сахаре
Солёной воды.
Ночью заглохнет корейский мотор.
Медленно выгорит звёздный костёр.
Будет смеяться подвыпивший шкипер
И, пошатнувшись, рухнет в мазут...
Термос, бейсболка и вязаный свитер
От воспаления лёгких спасут.
Дома, листая вчерашнюю ленту,
Вижу с улыбкой шквал новостей:
«Шхуна затоплена на Фиоленте.
Главный виновник – хтонический змей!»

Отшельница

1

Она живёт в пещере над обрывом,
Среди шероховатых валунов.
Боярышник, тростник и дикий тёрн
Растут вокруг природным частоколом.
В пещере слышно, как гудит буксир
И воют азиатские шакалы.
Сырые тряпки, одеяла, ветошь
Висят на входе. Сохнут над костром.

2

Когда же начинается борá,
Ржавеют у причала катера,
В степи холодной – аромат мазута,
Она, простоволоса и разута,

Блуждает по прибрежной полосе.
Ей безразличны абсолютно все,
Все постиндустриальные щедроты...
Она замёрзших чаек тянет к гроту.

3

Найдёт на пляже мёртвого нырка
И на мангале приготовит супа.
Промозглой ночью вспышки маяка
Изобличают скальные уступы.
Блестят на гальке щупальца медуз...
Отшельница счищает капли воска,
С ухмылкой провожает сухогруз,
Смешно шипит и крутит папироску.

Скупия горячего копчения
В межсезонном высохшем лесу.
Муравей, забыв о приключениях,
Наблюдает мёртвую осу.
Реки превращаются в канавы...
В невесомость несколько шагов
Сделаем над проволокой ржавой –
Там, где тлеют перья облаков.

Ты больше туда никогда не зайдёшь,
Не скрипнут в прихожей смешно половицы,
Из рюмки гигантский цветок не польёшь...

Все звёзды морские и синие птицы
Исчезнут. Утерян «Казачий фольклор».
Придётся забыть, как шуршат скорпионы
За плинтусом,
Как выбегает во двор
Соседка, чтоб сплетничать по телефону.
Следы на стене от пасхальной свечи
Забелят, закрасят. Теперь там – не сыро,
Другое кино и другие ключи...
Зачем я скучаю по этой квартире?

Если облака тебя влекут,
Если ты не веришь в постоянство,
На скалистый дикий Тарханкут
Уезжай исследовать пространства!
Вспоминай, как пахнет розмарин,
Слушай крики пестроносых крачек,
Поглощай степной ультрамарин...
И не требуй от судьбы подачек.

Южане

Где обитают хитрые южане,
Зимой никаких событий нет.
Энвер стучится в пять утра к Снежане
От безнадёги. Сартр средних лет.
Пьют из горла холодную мадеру,
Ждут приближенья утренней звезды...
Здесь обращают в сказочную веру
Своих адептов чёрные дрозды.
В гнилых затоках кормятся лысухи.

Шумят сухие храмы тростника,
Пока над ними лёгкие, как духи,
Мерцают кучевые облака.

Элефтерия¹

На Западе, за Киммерийским Боспором,
В прибрежных оврагах разбросана хора.
И грубый дорический ордер колонн
Уходит надменно в степной небосклон.
Рукою подать до азовского штиля,
Баркасы заброшены на берегу.
Я помню восторг от звериного стиля
И мрачные склепы забыть не могу.
В холодной пыли ювелирные геммы.
Как провинциальны ромейские фемы!
Вдоль трассы кермек и сухой солончак.
Кустарник острей, чем лихой акинак;
От мая, от марева на волоске...
Горячую шкару несут рыболовы.
Пишу «элефтерия» я на песке,
Пишу для тебя это южное слово!

Аполлоновка

Кошки на бревенчатом причале,
Рыжие собаки у воды.
Отраженья ржавого металла
Приняли подводные сады.
Аполлон в залатанной тельняшке

¹Элефтерия (греч.) – свобода.

Чинит сеть, считает корабли.
Львиный зев, аптечные ромашки
Прямо в черепице расцвели.

Камыши

На солёной конечной чумацкого шляха
Я родился в тунике и жил налегке.
О чумная окраина, о черепаха,
Затаившаяся в тростнике!
Я читал здесь всех русскоязычных поэтов,
О которых почти и не знал материк.
И скульптурами из «государства Советов»
Восхищаться привык.
Колесо обозренья над бочкою кваса,
Побережье, где нет ни домов, ни души...
Вот он я – ученик из десятого класса.
Мой район – Камыши.